

Ионкис, Грета | 31.07.2007

Парадокс Мартина Лютера

Грета Ионкис

Имя Мартина Лютера вызывает в еврейской среде однозначную реакцию: «Юдофоб!» Что тут возразить?! Заслужил он эту репутацию. Но очень немногие знают, что приверженцы Римской церкви называли отца Реформации при жизни не иначе как «объевреившийся Лютер», а если не щадить чувств читателя и говорить без обиняков, то надо сказать, что звали они его *полжида*. Чем заслужил он такую «честь»? И как совместить несовместимое?

В XVI веке к традиционным обвинениям в адрес евреев Германии прибавилось ещё одно: они якобы повинны в начавшейся Реформации. Подозревать, будто протестантское движение развязали евреи, было абсурдом, но ведь обвиняли же евреев в использовании христианской крови в ритуальных целях, в осквернении христианских святынь и даже в шпионаже в пользу турок. Это тоже были нелепицы, наветы, но им верили. Новое обвинение противоречило очевидным фактам: Реформацию в Германии осуществил Мартин Лютер, его сторонники и последователи из числа единоверцев-христиан. Однако было нечто, что дало повод противникам Реформации негодовать и возводить поклёп на евреев. Речь идёт о еврейском «колорите» раннего протестантизма (особенно его левого крыла), о присутствии иудейского элемента в реформистском христианстве.

Несмотря на возраставшее напряжение в отношениях между евреями и христианами, каждое реформистское движение, будь то гуситы, лютеране или пуритане, анабаптисты (перекрещенцы) или субботники, сопровождалось стремлением к обновлению христианства в апостольском духе, возвращением к истокам христианства, к Ветхому Завету, а следовательно – к еврейским духовным ценностям. Ведь и Иисус (Иешуа), и Павел (Савл), создатель христианской церкви, вышли из еврейского народа.

Надежды на духовное возрождение занимали умы на протяжении многих веков. XIII-ый век прошёл в Италии, на родине Ренессанса, под девизом: *renovatio, reformatio* (обновление, изменение). Этот девиз увлёк Данте. Помните, как об этом у Блока?

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счёт,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поёт.

В *Vita nuova* (Новая жизнь) Данте и впрямь развивает концепцию обновления мира, в основе которой христианская идея возрождения. Это новозаветное понятие второго рождения вырастает из представлений об обновлении, которыми изобилуют ветхозаветные *Псалмы* и *Книги Пророков*.

А что происходит в Германии в начале XVI века? Там зарождается и набирает силу движение за обновление церкви – Реформация. Очевидно стремление реформаторов поставить Библию в центр христианской жизни. Наблюдается демонстративный отказ от пышности католицизма, доходящий до иконоборчества. Ширится протест против сложной системы католической теологии. Налицо намерение устранить посредническую функцию

священников, возврат к простоте раннего христианства. Заметны растущий интерес христианских теологов к древнееврейскому языку, попытки прочесть древние писания в оригинале (эта тенденция усилилась после «спора о еврейских книгах» и победы Рёйхлина), предпочтение, отдаваемое персонажам Ветхого Завета в качестве образцов для подражания. Всё это давало почву папистам обвинять Лютера в «иудаизации», как обвиняли они в том гуманистов и Рёйхлина, Меланхтона и родоначальника унитаристского движения Сервета, Кальвина и пуритан. По мнению папистов, лютеранство ведёт к кальвинизму, кальвинизм – к унитаризму, унитаризм – к адвентизму (то есть к секте субботников), а от адвентизма до иудаизма – один шаг.

Но так ли велика была опасность «иудаизации», исходящая от отца Реформации? И как соединить неизвестные большинству из нас обвинения Римской церкви против Лютера в иудаизации с его стойкой репутацией страшного юдофоба? Писания Лютера против евреев следует рассматривать не изолированно, а в совокупности с другими работами, где он позитивно пишет о евреях. Но ещё важнее включить еврейскую тему в общий разговор о личности, жизни, учении и деяниях Мартина Лютера. Только в таком контексте может быть понята амплитуда его высказываний по еврейскому вопросу.

Монах - повстанец

Мартин Лютер родился в 1483 году в маленьком городке Эйслебене (Мансфельдское графство). Там он и умер в 1546 году. За время между его рождением и смертью ничто в городке не изменилось, жизнь здесь как бы текла вне времени. Это была немецкая глубинка, где ещё долго сохранялась средневековая атмосфера. Средневековым был и облик городка: старинные церкви, любовно сбережённые, бюргерские дома и амбары, строения с незаделанными балками – фахверки, круглые башенки под островерхими крышами, мощённые булыжниками маленькие площади, ратуша, соединившая в себе архитектурные стили готики и ренессанса.

Дед Лютера был крестьянином; отец, бросив деревню, переселился в город в поисках лучшей доли. В Эйслебене в это время как раз начинали добычу меди, и сюда стекалось множество таких же, как Лютеры, вчерашних крестьян. Пройдёт немало времени, пока Гансу Лютеру удастся из крестьянина и рабочего перейти в сословие бюргеров. Детство Мартина прошло в жестокой бедности и крайней строгости, он рос в атмосфере страха и подавленности. И в родительском доме, и в школе, куда его отдали восьмилетним, он знал лишь побои и голод. «Дайте хлеба ради Бога!» – этот жалобный припев сопровождал его детство и отрочество. Милостыней жил юный Лютер поначалу и в Эйзенахе – он учился в местной церковной школе, куда отец отослал его в тринадцать лет. Здесь улыбнулась ему судьба в образе умной, доброй и состоятельной Урсулы Котт, которая стала опекать подростка, разглядев незаурядность его натуры. Благодаря ей смог он в семнадцать лет поступить в лучший тогда в Германии Эрфуртский университет, получить в 1502 году степень бакалавра, а через три года стать магистром философии.

Добрая слава о нём дошла до отца, который к этому времени поправил свои дела и даже стал высылать сыну пособие. Отец в мечтах видел его юристом, законником. Мартин подчинился его воле, но летом 1505 года неожиданно для всех стал послушником в монастыре августинцев, а через год вопреки воле отца принял постриг. Карьере законника он предпочёл веру. О своей жизни в монастыре он пишет: «Я изнурял себя постами, бдением, молитвой, кроме того, я среди зимы стоял и мёрз, стриженный, под жалким капюшоном... Я всегда думал: о, когда же, наконец, я стану праведным и завоюю милосердие Божье? ... И всё-таки ничего не добился». Внешняя жизнь его шла своим чередом, а внутренняя, по его собственному признанию, «была адом»: «Под наружной святостью в сердце моём было сомнение, страх и тайное желание ненавидеть Бога». «Обида охватывала меня всякий раз, как я видел Распятого». При этом он исступлённо любил Иисуса Христа, это была мужицкая,

простосердечная и назойливая страсть. Вот первый парадокс Лютера. Он хотел общаться с Богом прямо, без посредников, даже если таким посредником будет сам Папа. Он и говорил со своим Богом «бесцеремонно», по выражению Ницше. Так станет ли он церемониться со смертными?!

Главный наместник Августинского братства Иоганн Штаупиц, ставший духовным отцом и другом Лютера, направляет его в Виттенбергский университет, где он получает первую, а затем вторую учёную степень уже не по философии, а по теологии. В 1510 году по делам ордена он был послан в Рим, куда шёл три недели как паломник с посохом и котомкой и явился чуть живой. В Риме он пробыл четыре недели, не переставая удивляться и негодовать на этот «вертеп негодяев», где царит древняя Волчица – алчность, где, по словам Данте, «каждый день продаётся Христос». На обратном пути он посетил Зальцбург, чтобы повидать Штаупица и поделиться римскими впечатлениями. Тот молча слушал его, а затем сказал: «Потерпи немного, сын мой. Не минует Божья кара этих злодеев. Есть древнее пророчество, что всё это рухнет, когда монах Августинова братства восстанет на Рим». Ни старец, ни брат Мартин в этот момент ещё не подозревают, что время это не за горами, а повстанец-монах пока и вовсе сидит за столом напротив наместника.

Осенью 1512 года Лютер получил степень доктора теологии в Виттенбергском университете, стал его профессором. Одновременно его делают помощником настоятеля монастыря. Он читает лекции студентам и проповеди монастырской братии и прихожанам, делит время между чтением, сочинительством, проповедничеством и писанием писем. В 1515 году Лютера избрали викарием деканата, под его началом оказалось 11 монастырей Тюрингии и бургграфства Мейсен.

Во время «спора о еврейских книгах» Лютер был на стороне Рёйхлина, осудив в 1514 году разнузданные выпады в адрес учёного со стороны доминиканца Ортуина Грация. Когда Лютера будут в дальнейшем упрекать в «иудаизации», он станет сравнивать себя с Рёйхлином, защитником еврейских книг. Однако современные евреи не находились в центре интересов Лютера, как, впрочем, и Рёйхлина. Его представления о них – всецело в духе средневековой христианской традиции, т.е. книжные, основанные на Евангелии и трудах отцов Церкви.

Евреи для него – народ, отверженный Богом за то, что они не признали Его Сына и распяли его. Признаки Божьего гнева налицо: разрушение Храма, само рассеяние евреев и их тщетное ожидание прихода Мессии. В его глазах, это – упрямый народ, отрекшийся от правды и упорствующий в своих заблуждениях. Вслед за средневековыми теологами Лютер резко высказывается против Талмуда, хотя его не знает. Он обвиняет евреев в богохульстве, считает, что их верования враждебны христианству и не собирается деятельно участвовать в судьбе еврейства.

В 1516 году Лютер начинает учить древнееврейский язык, пользуясь учебником Рейхлина и грамматикой Кимхи, достаточно быстро продвигаясь в нём. Этот шаг продиктован его намерением перевести заново Библию, в чем ему поможет язык оригинала. Древнееврейский язык для него – язык Божественный, богатый и простой одновременно. Он усваивает гневные интонации грозного еврейского Бога. Его ученик, а в дальнейшем друг и сподвижник Меланхтон, слушавший Лютера с университетской кафедры, запишет: «Молниям были подобны иные слова твои, Лютер». Но это были ещё не молнии, а лишь зарницы великой грозы, которая разразилась в 1517 году.

Еретик и ниспровергатель

Гроза грянула не вдруг. Сразу после вступления в монастырь Лютер стал испытывать душевные терзания из-за того, что не мог совладать с искушениями, с «тройным

вожделением», как он сам называл три человеческие страсти: похоть, гнев и гордыню. Напрасно он истязал себя аскезой. Сколько покаянных слёз пролил он перед Штаупицем! Он досконально проанализировал природу греховности перед студентами и прихожанами. Он был уже на грани отчаяния, когда вдруг повеяло долгожданным ветром освобождения. Перепробовав все виды самоограничения и не добившись душевного покоя, он понял их тщетность и иллюзорность. «Законы плоти властно влекут тебя к сатане, к греху и к нестерпимым мукам совести», – пишет он в 1516 году. Но грех не искупается аскезой! И вот, преодолевая внутреннее сопротивление, Лютер приходит к убеждению, что спасением своим человек обязан одному лишь Христу, ибо Он своей жертвой искупил людские грехи. Бог после Искупления вообще простил все грехи, Иисус Христос утолил Божий гнев на людей. Лютеру наконец открылась Божья благодать. Спасшись от владевшего им отчаяния, Лютер понял свой долг в том, чтобы спасти от него других.

В Германию прибыли посланники из Рима с папской буллой о великом Отпущении грехов. Саксонский курфюрст Фридрих Мудрый запретил продажу индульгенций в своих владениях, но горожане сбегались толпами в соседний городок поглазеть на торжественное шествие, послушать проповедь. Падали монеты в железную кружку со многими печатями, и уплатившие получали пергаментные грамоты папы. «Денежка в ящике звяк – душа из чистилища прыг!» – приговаривал монах-доминиканец.

Отпущение грехов, по мнению Лютера, – всё равно, что разрешение грешить вновь. «Нас, германцев, за скотов почитают в Италии», – заявил он. 31 октября 1517 года, в канун праздника Всех Святых, он прибил к церковным дверям виттенбергского замка свои «95 тезисов», общий смысл которых выражен в одном из них: «Вечному осуждению подвергаются те, кто учит, и те, кто верит, будто бы Отпущением грехов люди спасаются». Решаясь на этот шаг, Лютер следовал примеру Христа, а быть может, и чувствовал себя Христом, изгоняющим торговцев из Храма.

В течение месяца *Тезисы* распространились по всей Европе. Святейшая инквизиция донесла на еретика Лютера. Римская волчица оцетинилась. Продажа индульгенций – дело доходное. Папе нужны деньги, он строит собор св. Петра в Ватикане. Лев X не собирается менять планы из-за какого-то взбунтовавшегося монаха. Желая потушить пламя пожара как можно быстрее, папа вызывает Лютера в Рим. Но Фридрих Мудрый, понимая, что дело пахнет костром, – а он не собирается лишать своё детище, Виттенбергский университет, такого авторитета как Лютер, – настоял на том, чтобы разбирательство происходило в Аугсбурге. Оно состоялось в октябре 1518 года. Фридрих выхлопотал для своего подопечного императорскую охранную грамоту, но ведь в своё время подобная грамота не спасла Яна Гуса... Папскому легату не удалось склонить Лютера к покаянию в Аугсбурге.

В Лейпциге был назначен диспут Лютера с доминиканцем доктором Экком из Ингольштадта. Он продолжался шесть дней. Присутствовали герцог Саксонский, множество священников, монахов, аббатов, докторов богословия. В этом споре впервые со всей ясностью был поставлен вопрос, кто глава Вселенской Церкви – Папа или Христос? Иоганн Экк и вся Римская церковь отвечают: «Папа!» Лютер и Протестантство отвечают: «Христос!» Принципиально разошёлся Лютер с католиками и в том, что на первый план поставил *индивидуальную, личную веру* и противопоставил её выполнению церковных обрядов (по Лютеру, самое важное, – чтобы Бог был в сердце). Человек может спасти свою душу только посредством веры, которая непосредственно даруется Богом, без помощи церкви. «Вера всегда есть дар Божий». «Бог не может и не хочет позволять господствовать над душой никому, разве лишь самому себе», – таковы положения Лютера. Учение Лютера о спасении или оправдании силою «одной только веры» стало основным постулатом протестантизма. Он пришел к отрицанию папства, духовной иерархии, celibата и даже монашества как учреждений, которые извратили дух первоначального христианства. «Восстав против монашеской жизни и оправдав тем самым свой индивидуальный бунт, Лютер нарушил баланс

сил, долгие годы удерживаемый отцами Церкви». Лютер взорвал также и спасительное равновесие между Разумом и Откровением, которое было достигнуто в средневековой теологии. Тем самым он совершил доселе неслыханную революцию в христианском сознании.

За диспутом последовало в 1521 году отлучение еретика Лютера от церкви. Лютер публично сжигает папскую буллу об отлучении, понося «чёртову свинью папу» последними словами (натура страстная и при том мужицкая, он не стеснялся в выражениях). Однако и в пору открытой борьбы с Римом Лютера не покидают мучительные сомнения, и почти одновременно произносит он противоречащие друг другу слова: «Я готов подчиниться Папе, как самому Христу» и «Я теперь несомненно уверен, что Папа – Антихрист». На отлучение он отвечает обращением «К христианскому дворянству немецкой нации», призывая к реформе церкви. Единственным авторитетом в вопросах веры им было признано Священное Писание.

Папа Лев Медичи, утончённый флорентиец, этот греческий философ в тиаре, друг Рафаэля, человек Ренессанса со всеми его достоинствами и пороками, «вероятно, посмеивался над бедным, целомудренным, наивным монахом, вообразившим, будто Евангелие есть конституционная хартия христианства и будто хартия эта есть истина!» – напишет позже Гейне. Возможно, Папа даже не захотел вникать в аргументы Лютера, но этот немец ему мешал. Значит, нужно было заставить его молчать.

Далее последовал вызов на рейхстаг в Вормс, где Лютер продолжал стоять на своём: «Я не верю ни в Папу, ни в соборы. Я не могу и не хочу отречься ни от одного из своих слов». Его упорство в отстаивании своей позиции потрясло не только очевидцев его речи, но спустя столетия стало, по верному замечанию С.Аверинцева, назиданием всем нам. Лютеровы слова *Hier stehe ich – ich kann nicht anders* стали девизом для Осипа Мандельштама, их можно найти в набросках к стихотворению «К немецкой речи». Поэт вначале переводит изречение Лютера буквально: «Здесь я стою – я не могу иначе», а затем появляется другой вариант: «Вот я стою – и нет со мною сладу».

ладить с ними и впрямь не удалось – ни с Мандельштамом, ни с Лютером. Поэта убили, Лютера тронуть не решились. Папа в послании к императору требовал «покончить с этой чумой». Но Карл V не хотел восстановить против себя народ: «Здесь, в Германии, действие Лютера на все умы таково, что схватить и казнить его ... значило бы поднять во всём народе восстание».

Лютеру удалось беспрепятственно покинуть Вормс и скрыться. Указом императора он был объявлен вне закона. Ходили слухи о том, что он убит фанатиками-папистами (такие попытки и впрямь предпринимались). На самом деле Фридрих Мудрый, эта старая "саксонская лисица", возглавлявший анти-императорскую оппозицию, предоставил Лютеру убежище в своем замке Вартбург в Тюрингии, где тремястами годами ранее проходили знаменитые турниры миннезингеров.

Поначалу он жил там, как узник, но с отъездом императора на войну с Франциском I начались послабления. Лютер много работал. Иногда день и ночь напролёт он читал, писал. Изучал древнееврейский и греческий. Здесь написано им много акафистов, проповедей, трактатов, книга «О Христе и Антихристе». К этому времени у Лютера сложилась своя концепция религиозной свободы. Она на удивление близка еврейской трактовке понятия свободы.

Миссионер

У язычников человек был всецело подчинён богам. Больше трех тысяч лет назад между евреями и остальным языческим миром возникла пропасть именно в силу особого понимания отношений между человеком и Богом. «Согласно еврейской религии Бог наделил человека свободой воли, а потому он может по своему выбору либо обратиться к Богу, либо

отвернуться от Него. По еврейским представлениям, не всякая удача обусловлена благословением Божиим» (М. Даймонт). Человек может преуспеть и потому, что идёт на всё, вплоть до преступления, ради достижения цели, не считаясь с моралью, с другими людьми, и в этом случае он добивается успеха вовсе не потому, что ему помогает Бог. Это даёт, в свою очередь, свободу Богу возлагать на человека ответственность за совершённые поступки, как за добрые, так и за злые. Лютеровская трактовка отношений человека с Богом близка к еврейской. Так что упреки, которые бросали Лютеру в «объевреивании», не были совсем уж беспочвенны.

Впервые Лютер вступил в контакт с евреями в апреле 1521 года в Вормсе, где в ту пору существовала крупная еврейская община. Не Лютер, но сами евреи искали встречи с ним, желая понять, что представляет собой этот отважный монах из Виттенберга, в чём суть его учения и что может принести им его победа. Он принял их приглашение. Лютер говорил о том, что христианство, которое преследовало евреев в средние века далеко от настоящего Евангелия. Из-за Папы, этого антихриста, из-за его дополнений и искажений учение превратилось в искусственный свод правил. Вполне закономерно, что евреи отшатнулись от извращённого христианства. «Будь я евреем, я бы предпочёл десять раз подвергнуться колесованию, чем принять папизм». Участники круглого стола признались, что Лютер евреям понравился.

Будучи не только теоретиком, но и практиком, Лютер, оказавшись в Вартбурге, вплотную берётся за «решение еврейского вопроса». Прежде всего, считает он, нужно переломить общественное мнение, необходимо расположить народ к евреям. В первом же сочинении, написанном в июне 1521 года, Лютер, цитируя слова девы Марии из Евангелия от Луки («Как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века»), утверждает, что милость Божья, которой Израиль сподобился через рождение Христа, в авраамовом семени, т.е. в евреях, будет длиться вечно. Лютер стыдил единоверцев за недружественное отношение к иудеям и объяснял, что «евреи – лучшая кровь на земле». «Только через них святой Дух пожелал дать священное Писание миру; они – Божьи дети, а мы – гости и чужие; мы, подобно ханаанской жене, должны довольны быть тем, что, как псы, питаемся крошками, падающими со стола своих господ».

Эрцгерцог Фердинанд Австрийский, брат императора Карла V, на рейхстаге в Нюрнберге обвинил Лютера в том, что он, причисляя Христа к Авраамову семени, отвергает его божественное происхождение, а это – богохульство. Вот тогда-то и пишет Лютер свой памфлет «Иисус Христос, рождённый евреем» (1523). Он адресуется не евреям, а единоверцам. Он всегда пишет о евреях в третьем лице: мы, христиане, – они, евреи. Он заключает памфлет призывом: «Советую, прошу каждого поступать с евреями по доброте и обучать их Евангелию. В таком случае мы можем надеяться, что они придут к нам. Если же мы употребляем грубую силу и поносим их, обвиняем их в использовании христианской крови, чтобы освободиться от зловония, и не знаю, в каком ещё вздоре, поступаем с ними как с собаками, то чего доброго мы можем ждать от них? Наконец, как мы можем ждать их исправления, когда мы запрещаем им трудиться среди нас в нашем сообществе, вынуждаем их заниматься ростовщичеством? Если мы хотим им помочь, то мы должны относиться к ним не по папистскому закону, а по правилам христианского милосердия. Мы должны по-дружески их принимать, позволить им жить и работать вместе с нами, и тогда они сердцем будут с нами, а если некоторые и останутся при своём упорстве, что плохого в том? И из нас не каждый – добрый христианин!»

Эти слова дали основание видеть в Лютере друга евреев. Во всяком случае немецкие евреи радостно приветствовали реформатора из Виттенберга, они даже отправили сочинение Лютера своим единоверцам в Испанию (в 1524 году вышел его перевод на латинский), ибо он даровал надежду. Их можно понять: на протяжении нескольких столетий перед евреями маячила угроза изгнания. Сердца их возрадовались, услышав защитительные речи Лютера,

направленные против лживых наветов и против дискриминации.

Однако нужно иметь в виду, что главная цель Лютера была миссионерской. Прежде всего, считает он, нужно привлечь евреев добрым отношением и обратить в христианство, убедив их в ошибочности ожидания Мессии, поскольку Мессия и есть Христос. В своём памфлете Лютер утверждает, что в Ветхом Завете содержатся зашифрованные упоминания о Богоматери, предсказания о рождении Христа, которые злодеи-талмудисты якобы скрывали от евреев, толкуя слово Божье вкривь и вкось. И если евреи прочтут Тору без «помощи» талмудистов, они обретут истину. В его попытке объединить христиан и евреев на основе Священного писания не было никакого коварства. Осуждая насильственное крещение, которым прославилась Римская церковь, Лютер предлагал евреям вернуться к вере праотцев и пророков, не извращёнными последующими толкованиями (кстати, и в еврейской среде находились противники Талмуда – секта караимов, возникшая в IX-X вв.). Лютер призывал христиан протянуть евреям руку, ибо Библия учит: все мы – братья. Он понимал, что присоединение евреев к Реформации было бы веским аргументом для той значительной части немцев, которые пока не могли сделать выбор между католицизмом и протестантизмом.

Крушение иллюзий

Следует помнить, что главной заботой Лютера были всё же не евреи, а немцы. Весной 1522 г. он закончил перевод Нового Завета на немецкий. «Я хочу говорить по-немецки, а не по-латински и по-гречески». «Я для моих немцев рождён, им и хочу послужить». Новый Завет в немецком переводе, сделанном Лютером, распространялся по германским землям, как пожар по сухому лесу. Очевидец вспоминает, что все, кто знал грамоту, жадно читали и перечитывали этот текст, обсуждали, спорили о нём друг с другом, и с людьми духовного звания. Появилось множество проповедников Евангелия, ходивших из дома в дом, из деревни в деревню. Мысль о равенстве перед Богом овладела умами бедняков. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был господином?» – вопрос этот не сходил с уст.

Весной 1524 года появились «Жалобы крестьян с двенадцатью просьбами». Швабские крестьяне, апеллируя к Лютеру, ссылались на его же книгу «О христианской свободе». Они просили его стать их ходатаем перед господами. Он отказался, и вместо этого выпустил в 1525 году «Увещевание к миру в ответ на двенадцать требований швабских крестьян». Но примирить волков и овец было невозможно. Кто знает, представлял ли сам Лютер масштабы последствий его выступления против Рима и папы? Вряд ли он предвидел, ударив в набат, какой крови это будет стоить. Вот уж поистине, как сказал поэт, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»...

Германия запыхала. Восставших возглавил Томас Мюнцер – бывший францисканский монах, доктор теологии, последователь Лютера. В толковании слова Божьего он оказался радикальнее учителя. Обращаясь к народу, он цитировал писание: «Говорил же Христос: я принес не мир, но меч». Себя Мюнцер называл «мечом Гедеона». Он стал проповедником Евангелия, которое, по его мнению, предписывало равенство и братство людей на земле: «Всё да будет общим!» Этот девиз одушевлял тысячные толпы крестьян. Только в Швабии число восставших достигло трёхсот тысяч. «Бей, бей, бей! Куй железо, пока горячо! Раздувай огонь, не давай мечу остыть от крови, не щади никого... Бей, бей, бей!» – это призывы Мюнцера из его воззвания к народу.

Лютера, осуждающего мятежную ересь, восставшие как будто не слышат. Никогда он не был так глубоко ранен. Напрасно он взывает к ним: «Бог запрещает восстание... Дьявол радуется ему...» Не слышат. Они внимают Томасу Мюнцеру: «Смотрите, самые подонки лихоимства, воровства и разбоя – вот кто есть наши великие мира и господа.... Они распространяют заповедь Господню среди бедных и говорят: „Господь повелел: не укради!“ Так они

отягощают всех людей, бедного земледельца, ремесленника, и всё, что живёт, обдирают и очищают, а если бедняк согрешит перед Всевышним, то должен быть повешен. И тут доктор Лгун (так он аттестует Мартина Лютера – Г.И.) говорит: Аминь. Господа сами виной тому, что бедный человек – враг им. Причину восстания они не хотят уничтожить, как же это может продолжаться? Так говорю я, и вот я поднимаюсь, вперёд же!»

Крестьянская война всколыхнула население многих городов, в особенности тех, что были подчинены сюзеренам-епископам. Она охватила не всю Германию, а больше южно-германские земли: тюринго-саксонский и швабско-шварцвальдский районы, Франконию, Тироль. Крестьяне штурмовали и захватывали замки и монастыри, занимали города. Все это оборачивалось большой кровью.

Вюрцбург столетиями страдал, будучи зависим от епископов. Город встал на защиту восставших крестьян и горько за это поплатился. Войска епископа разбили крестьян, и началось жестокое избиение повстанцев. Так происходило повсеместно. Восставшие во главе с Мюнцером захватили власть в Мюльхаузене, их поддержали не только городские низы, но и мелкие бюргеры. Но отряд Мюнцера продержался недолго. Сам он был взят в плен, подвергнут пытке и обезглавлен. Он был в ту пору в возрасте Христа. Последователи его были казнены – простолюдины повешены, а люди благородного происхождения обезглавлены..

Лютер осудил насильственные действия крестьян, поддержал князей, призвал владык «бить, душить, колоть восставших тайно и открыто, как поступают с бешеными собаками». Сто тысяч человек погибло в течение восьми месяцев. Крестьянское восстание в Германии походило на пугачёвщину, на русский бунт, который Пушкин, как известно, назвал «бессмысленным и беспощадным». Восстание внушало Лютеру ужас, восставшие рождали в нём ярость. Лютер сам не пролил крови, но он произнёс страшные слова: «Я, Мартин Лютер, истребил восставших крестьян; я велел их казнить. Кровь их на мне, но я вознесу её к Богу, потому что это Он повелел мне говорить и делать то, что я говорил и делал».

Однако вина перед крестьянами жгла Лютера. Сам того не желая, он спровоцировал их на бунт. Не в силах их удержать и остановить, он не пошёл с ними. Он слышал их ропот: «Предатель!» «Ты не хочешь признать этих бунтовщиков своими учениками, да они-то признают тебя своим учителем», – написал ему ненавистный Эразм Роттердамский. Прошло время, когда они глядели, как им казалось, в одном направлении, теперь пути их резко разошлись.

Предметом спора стал вопрос о свободной воле. Они скрестили мечи. Их оружие – книги. Эразм пишет работу «О свободной воле». Лютер парирует удар, отвечая сочинением «О порабощённой воле». Эразм утверждал, что человек по природе своей добр, надо только его соответственно воспитывать. По мнению Лютера, человек ничего не может сделать для своего исправления, потому что его воля – рабыня греха, и помочь ему может лишь милость Божья. «Мир спасётся разумным сомнением» (Эразм). «Мир спасётся безумною верою» (Лютер). Этот спор привёл к их окончательному разрыву. Несдержанный на язык Лютер назвал Эразма ядовитой гадиной, отъявленным негодяем и Иудой-предателем.

Куда более тяжким ударом для Лютера станут расхождения с его любимым учеником Филиппом Меланхтоном (его имя носит сегодня теологическая академия Кёльна – *Melanchton Akademie*), с которым совместно написаны основные вероучительные документы лютеранства – «Аугсбургское вероисповедание» и «Апология». Меланхтон, который не порывал с Лютером, несмотря на требования воспитавшего его Рейхлина (согласно завещанию дяди, племянник мог унаследовать его обширную библиотеку лишь при соблюдении этого условия), в конце концов стал тяготиться союзом с главным реформатором. Он жаловался Эразму на крайности, грубость и неуступчивость учителя, которые мешают в деле объединения Церкви. Умеренный

Меланхтон, получивший почётное звание *Praeceptor Germaniae* (лат. "наставник Германии"), занял промежуточную между Лютером и Эразмом позицию в вопросе о свободе человеческой воли, за что удостоился грубого окрика учителя. Он не отступился от Реформатора, но они ощущали взаимное охлаждение и недовольство друг другом.

Расхождения Лютера и гуманистов не носят личного характера, они имеют более глубокую основу. Дело в том, что содержание и дух ренессансного гуманизма и Реформации развивались в одном русле или параллельно лишь на небольшом отрезке пути. В своих истоках Ренессанс и Реформация имели одну идею – духовное обновление. В целом же протестантизм был продолжением средневековых культурных идеалов, и под покровом Ренессанса средневековая культура продолжала перетекать в Реформацию. Как пишет Ницше в «Человеческое, слишком человеческое (книга для свободных умов)», немецкая Реформация на фоне Возрождения «выделяется как энергичный протест отсталых умов, которые ещё не насытились мирозерцанием средних веков и ощущали признаки его разложения не с восхищением, как это следовало, а с глубоким недовольством». Строгое благочестие протестантов, их пуританизм и неистовая потребность в действии явно противостоят стремлению гуманистов к спокойствию, их фривольной индифферентности или пересмешничанью, их языческим дерзостям, их сосредоточенности на этико-литературных аспектах. Истинно народный (а по Ницше, плебейский) характер Реформации противостоял учёной элитарности Ренессанса, потому и неизбежны были расхождения Лютера с гуманистами. Конечно же, такие мощные духом личности как Лютер, Кальвин, Мюнцер, столь характерные для XVI века, явно не относятся к ренессансному типу.

«Реформацию можно сравнить с мостом, перекинутым из схоластических времён в наш век свободного мышления, но также из нашего времени вглубь средневековья», – читаем у Томаса Манна в «Докторе Фаустусе». Лютер и его присные питали ненависть к классическому образованию и усматривали в нём источник духовной крамолы. Впрочем, крамола таилась не только в гуманистическом просвещении.

В конце 1533 года дух Томаса Мюнцера, «этот бич гнева Божия», ожил в Мюнстере, где подняли мятеж анабаптисты (второкрещенцы). Было объявлено, что Христос возвращается на землю, чтобы установить царство справедливости. Лидер восставших Иоанн Лейденский объявил себя Мессией и царем Нового Израиля. Мюнстер переименовали в Новый Иерусалим. Переименовали все улицы, дни недели. Население обязано было принять новое крещение, сопротивлявшихся убивали. Выжившие стали называть друг друга «братья» и «сестры». Все имущество и съестные припасы были обобщены, деньги отменены. Все книги, кроме Ветхого Завета, были сожжены перед кафедральным собором. После краткого периода аскетизма установилась полигамия, многоженство. Город выдерживал осаду почти полтора года, живя по законам «военного коммунизма». За это время его обитатели прошли ускоренно весь исторический цикл – от всеобщего равенства до тоталитарного режима. Это был настоящий Апокалипсис.

«Что же мне сказать об этих жалких людях?» – так начинает Лютер свою «Новейшую летопись о второкрещенцах в Мюнстере». Главное в книге – не столько оценка безумных деяний мюнстерских еретиков (не иначе как одержимых дьяволом, по мнению Лютера), сколько его пророческие предостережения. Вот самое важное из них: «Нет столь малой искры, которой не мог бы Дьявол при попущении Божьем, раздуть во всемирный пожар». Уж нам ли, «гревшимся» у костра, разгоревшегося от ленинской «Искры», не понять, не признать здесь правоту Лютера? «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!» – ликует вольница у Блока, но сам поэт задохнулся в дыму этого пожара. Во времена Лютера погибли десятки тысяч, в России счёт жертв шёл уже на миллионы.

Предостережениям Лютера внимлют лишь истинно верующие, остальные используют его вероучение для решения своих проблем. Крестьянская война – тому лучшее свидетельство.

Конечно, для него это настоящая драма. Лютер переживает крушение многих иллюзий. Среди них – его надежды на обращение евреев. Его всё больше раздражает их упорство и «слепота». Натолкнувшись на глухое сопротивление, Лютер уже не надеется на диалог и видит в евреях противников. «Тот, кто сегодня поёт не с нами, тот – против нас» – этот принцип, отлившийся в поэтическую формулу, родился много раньше нашего поэта. Тот, кто противится Божественной правде, кто не приемлет Христа, тот может быть только слугой дьявола. Такова логика мыслей Лютера, гложущих и ожесточающих его сердце.

Юдофобские выступления

Когда в 1537 году известный ходатай по делам евреев Йосельман из Росхайма, заручившись поддержкой и рекомендациями реформатора Капито из Страсбурга, обратится к Лютеру с просьбой воззвать к курфюрсту Саксонии Фридриху, смягчить его гнев против евреев (речь шла об их изгнании из саксонской земли), тот в ответном письме откажет Йосельману, сославшись на то, что евреи не оправдали его надежд и разочаровали.

Узнав о многих случаях, когда крестившиеся было евреи возвращались в лоно своей веры, Лютер напрочь отказывается им в доверии. В «Застольных беседах», которые были записаны, собраны и изданы наиболее преданными из его гостей, среди прочих высказываний находим: «Если я найду еврея, желающего креститься, я отведу его на мост через Эльбу, повешу ему на шею камень и толкну в воду. Эти каналы смеются над нами и над нашей религией», «у них нет постоянного местожительства, они прозябают в нищете и, как последние бездельники, все ожидают прихода Мессии. И тут же кичатся своим величием и особой ролью, которую возложил на них Бог, выделив их из всех прочих народов».

До Лютера доходят слухи, что «каналы» ещё и занимаются миссионерской деятельностью. На самом деле евреи никогда не стремились кого-то обратить в свою веру, левое крыло Реформации само тяготело к Ветхому Завету. Лютер узнаёт, что Михаэль Сервет в 1531 году выпустил свой первый трактат «Об ошибках в учении Троицы», в котором он оправдывал еврейский монотеизм, и, что особенно нестерпимо для него, реформатор Капито якобы отчасти с ним согласен. А второкрещенцы Мюнстера! Они ведь в 1534 году явно копировали древний Израиль! А признание Яна Лейденского мессией – что это как не богохульство! А где же истоки ереси? В иудаизме! Евреи всё ещё ждут своего Мессию, не признавая его в Иисусе Христе. Лютер считает, что второкрещенцы заслуживают ещё большего наказания, чем евреи.

А разве не погряз в иудаизме его бывший последователь, реформатор Карлштадт из Богемии?! И вообще что творят там саббатанцы-субботники?! Совершают обряд обрезания, празднуют субботу. Да эти так называемые христиане просто "объевреились"! И Лютер раздражается первым, по существу, антиеврейским памфлетом «Против саббатанцев» (1538), где он полемизирует с еврейским Законом. Он взывает к христианам, не к евреям. И печально-знаменитые памфлеты 1542 года «Против евреев и их лжи», «Шем Хамфораш», «Последние речения Давидовы» обращены к христианам.

Лютер, как известно, был несдержан на язык и часто использовал оскорбительные выражения не только против евреев, но и против папистов и еретиков. Но тут он превзошёл самого себя. А потому швейцарские протестанты, ознакомившись с антиеврейскими памфлетами Лютера, осудили их. Их мнение однозначно: «Даже если бы «Шем Хамфораш» был написан пастором свиней, а не пастором душ человеческих, его невозможно было бы оправдать». Их возмутил тон, непотребная ругань, но не содержание. Содержание отвечало духу времени. Юдофобством были поражены даже такие прославленные гуманисты как Эразм и Рёйхлин. У Лютера на этой стезе было много

предшественников – от блаженного Августина и Фомы Аквинского до Буцера.

В первой части пространного памфлета (175 страниц!) «Против евреев и их лжи» Лютер повторяет обвинения в том, что евреи возводят хулу на Христа и Деву Марию, называют её шлюхой, а её сына бастардом. Они не понимают, что за это они прокляты Богом. Упорствуя, они умножают свои мучения: до сих пор у них нет своего государства, они скитаются по земле, оставаясь везде чужаками. И даже еврейскому ожиданию Мессии Лютер даёт своё истолкование: они, дескать, его ждут потому, что видят в нём всемирного царя, который, как они надеются, уничтожит христиан, поделит мир между евреями и их сделает господами. Вот откуда берут начало бредни о всемирном жидо-масонском заговоре.

Во второй части памфлета Лютер впервые выдвигает против евреев аргументацию не теологического, а экономического порядка. Он обвиняет их в ростовщичестве, в алчности, нечестности и паразитизме: «Евреи, будучи чужестранцами, не должны ничем владеть, а то, чем они владеют, должно принадлежать нам, поскольку они не работают, а мы не приносим им даров. Тем не менее у них находятся наши деньги и наше добро, а они стали нашими хозяевами в нашей собственной стране и в их изгнании.... Они гордятся этим, укрепляя свою веру и ненависть к нам, и говорят друг другу: удостоверьтесь, что Господь не покидает свой народ в рассеянии. Мы не работаем, предаёмся безделью, приятно проводим время, а проклятые гои должны работать на нас, и нам достаются их деньги. В результате мы оказываемся их господами, а они нашими слугами!» Лютер использует силу своего красноречия, чтобы настроить, или, как он представляет дело, предостеречь, христиан против евреев. А для этого все средства хороши. Он воскрешает легенды о том, что еврейские врачи медленно отравляют пациентов-христиан. Он внушает пастве, что евреи – дьявольское отродье.

Семь советов-рекомендаций относительно того, как вести себя с евреями, которые он даёт властям, говорят сами за себя и не требуют комментариев.

«Во-первых, подожечь их синагоги и школы, а что не сгорит, сровнять с землёй, чтобы ни камня, ни пепла не осталось. И это нужно делать во славу нашего Господа и христианства, если мы и впрямь христиане.

Во-вторых, нужно разорить и разрушить их дома, тогда им негде будет укрыться, они будут изгнаны, как изгнаны из школ. Пусть поживут на чердаке и в хлеву, как цыгане, тогда они узнают, что не хозяева на нашей земле, как они похваляются.

В-третьих, схватить всех их книжников и талмудистов, пусть в темницах себе лгут, проклинают и богохульствуют.

В-четвёртых, запретить их раввинам под страхом смерти учить народ.

В-пятых, полностью лишить евреев охраны и выделения им улиц.

В-шестых, запретить им ростовщичество и отнять наличность и ценности из серебра и золота, пусть это станет предупреждением.

В-седьмых, дать в руки каждому молодому, сильному еврею и еврейке цеп, топор, лопату, прялку, веретено и заставить их в поте лица добывать хлеб свой...»

Таким образом, от теологической аргументации Лютер переходит к практическим рекомендациям. Он не призывает к уничтожению евреев, но советует покончить с их образом жизни. В пору Реформации Лютер был не единственным «советником» по еврейским делам. За пять лет до него страсбургский реформатор бывший монах-доминиканец Мартин

Буцер советовал ландграфу Гессенскому принудить евреев, ведущих денежные дела, заниматься тяжким физическим трудом: они должны работать в каменоломнях, лесорубами, углекопами, трубочистами, убирать падаль и чистить отхожие места. Хотя Лютер часто упрекал Буцера в отступничестве и непостоянстве, он явно опирался на этот документ, когда сочинял свои рекомендации.

Изменение отношения Лютера к евреям связано и с теми переменами, которые произошли с ним в последний период его жизни, когда он пересмотрел и другие свои позиции. Крестьянская война «перепахала» его душу. В одном из писем есть такое признание: «Я доньше думал, что можно управлять людьми по Евангелию... Но теперь (после восстания – Г.И.) я понял, что люди презируют Евангелие; чтобы ими управлять, нужен государственный закон, меч и насилие».

От бунтарства – к проповеди послушания

В целом учение Лютера ведёт к «приземлению» религии. Католики, призывая служить Господу, убеждают в необходимости отвернуться от земного. Лютеранство же, напротив, рассматривает мирскую деятельность человека как служение Богу. Лютер утверждает: не в бегстве от мира, а в земной жизни человек должен искать спасения, но для этого его жизнь должна быть нравственной. Само по себе прекрасное утверждение, но проблема в том, что считать нравственным?

Специфически немецкие понятия долга (*Pflicht*) и нравственности (*Sittlichkeit*) не поддаются точному переводу на другой, в том числе и русский язык. Добросовестно исполненный долг (*Pflicht*) – это и есть, согласно Лютеру, добродетель (*Sittlichkeit*). Долг немца, учит Лютер, есть послушание, в нём – добродетель, а сама добродетель, по Лютеру, и есть благодать Божья. Такова была мораль, которую он завещал немцам и которой они следовали несколько веков.

«Протестантство оказало самое благое влияние, способствуя той чистоте нравов и той строгости в исполнении долга, которую мы обычно называем моралью», – свидетельствует Гейне. Ницше же видит негативные последствия лютеровской Реформации в измельчании европейского духа. «**Одобродушивание** (*Vergutmütigung*) изрядно продвинулось вперёд», но оборотной стороной этого «одобродушивания» стало **плебейство духа**, по мнению философа.

Внутренней свободе, о которой Лютер говорил поначалу, он с годами стал противопоставлять непоколебимый порядок вещей, установленный в мире Богом. Долг послушания выходит на первый план, христианин должен быть покорным и преданным подданным. В обмен на заповеди блаженства и царство Божье глава Реформации внушал немцам безусловную покорность государю, существующим законам, необходимость соблюдения порядка. Позиция Лютера однозначна: народ нужно держать в узде. Вот откуда растёт знаменитый немецкий порядок – *Ordnung*! Бунтовщик превращается в апостола послушания, повиновения, покорности. Со времен Лютера послушание стало национальной добродетелью: правителей слушают пасторы, пасторов – паства. Дух Реформации радикально повлиял на образ жизни и образ мысли немцев. Великий парадокс состоит в том, что человек, провозгласивший полную свободу христианина в обращении к Богу, духовно поработил немецкую нацию, поставив её под авторитарное ярмо.

Проходит 250 лет, и великий немецкий философ Иммануил Кант, этические представления которого близки учению Лютера, записывает: «Среди всех цивилизованных народов немцы легче и проще всех поддаются управлению; они противники новшеств и сопротивления установленному порядку вещей».

Французская писательница мадам де Сталь, хотя и была настроена про-немецки, тоже

писала, что «современные немцы лишены того, что можно назвать силой характера. Как частные лица, отцы семейства, администраторы, они обладают добродетелью и цельностью натуры, но их непринужденная и искренняя готовность служить власти ранит сердце...» Она говорила об их «почтении к власти и умилении страхом, превращающим это почтение в восхищение». Почтение к власти, переходящее в восхищение – это сказано метко и сильно. Тот, кто читал роман Генриха Манна «Верноподданный», поймёт, что имела в виду французская писательница. Она подметила эту немецкую национальную черту – верноподданничество – ещё в начале XIX века. Генрих Манн написал свой роман в 1914 году, т.е. спустя столетие. Итак, лютеровский завет продолжал безотказно действовать, по крайней мере, до 1945 года, когда нацистская Германия потерпела полный крах.

Никто не может сравниться с Лютером по степени воздействия на чувства и сознание немцев. Ни одна личность не оставила в Германии столь глубокого следа, как он. Причём любопытно, что с течением времени это влияние еще больше возрастало. Если верить Томасу Манну, а у нас нет основания не доверять ему, немецкая интеллигенция вплоть до первой мировой войны воспитывалась на Лютере. Как у всякой медали, и у этой оказалось две стороны. В условиях нацизма удушающие требования подчинения, долга, доведённые до абсурда, связали руки значительной части немецкой культурной элиты и мешали сопротивлению преступной, поистине сатанинской власти. Великий реформатор оставил на века свою печать на значительной части немецкого народа, такова была сила его личности! Однако за всё приходится платить. И немцы заплатили (и продолжают платить до сих пор!), но от Лютера не отреклись. Опрос общественного мнения, проведённый социологическим институтом Киля в 2003 году, показал, что Лютер сегодня по значимости и влиянию на умы сограждан занимает второе место.

Создатель национального языка

Лютер дал своему народу главное – язык. Он дал его вместе с Библией, над переводом которой работал долгих двенадцать лет. В крепости Вартбург в комнате, где Лютер приступил к этому неподъёмному труду, еще сегодня показывают на стене коричневое пятно. Говорят, что во время работы Лютеру привиделся дьявол, и он запустил в него чернильницей. Возможно, тот чёрт был воплощением дьявольской трудности, с которой сталкивался переводчик. Но скорее всего ему и впрямь являлся нечистый, мучил, искушал, соблазнял. Лютер верил в нечистую силу, боялся её, как большинство нижнесаксонских крестьян. Ведь он происходил из семьи рудокопов, а рудокопы – народ суеверный. Но и сам дьявол не мог остановить этого человека, который принадлежал к тому грубо-кряжистому мужественному племени, среди которого христианство пришлось внедрять огнём и мечом, но, уверовав, они за свою веру стояли насмерть и готовы были других жечь (сжёг же Кальвин за расхождения в трактовке христианских таинств учёного-реформатора Сервета!). Непреклонность и упорство, доходящее до фанатизма – характерные качества этих людей.

Эти черты характера, в сочетании с гениальностью, помогли Лютеру свершить и этот подвиг – завершить перевод Библии. В университетской библиотеке Вроцлава (некогда Бреслау) за железными дверями книгохранилища можно увидеть первое издание немецкой Библии – книгу в серой коже, с металлическими застёжками: «Ветхий завет на немецком. М. Лютер. Виттенберг». Книгу иллюстрировал друг Лютера художник Лукас Кранах-старший. Он тоже жил и работал в Виттенберге. Сохранился его графический портрет молодого Лютера, в ту пору худого и стройного, и писанный маслом портрет его матери, Маргариты, измученной тяжким трудом крестьянки.

Работая над переводом Библии, Лютер обнаружил поразительное чувство языка. Гейне признаётся, что для него остаётся загадкой, как возник тот язык, который мы находим в лютеровой Библии. Он уверен лишь в том, что в течение нескольких лет язык этот

распространился по всей Германии и возвысился до всеобщего литературного языка. «Все выражения и обороты, принятые в Библии Лютера, – немецкие, и писатель всё ещё может употреблять их и в наше время», – свидетельствует Гейне. Шедевром немецкой прозы называет лютерову Библию Ницше, упирая на то, что это шедевр величайшего немецкого проповедника: «Она выросла в немецкие сердца».

Лютер сам себя наставлял учиться родному языку «у матери в доме, у детей на улице, у простолюдина на рынке и смотреть им в рот, как они говорят, и сообразно с этим переводить, тогда они уразумеют и заметят, что с ними говорят по-немецки». Народное красноречие явственно и в его проповедях, посланиях и памфлетах. В полемических писаниях он не избегает плебейской грубости, которая может одновременно и отталкивать и привлекать. Манеру Лютера нанизывать и громоздить обвинения против своих врагов Ницше называет «болтливостью гнева». Наблюдая, как этот мужицкий апостол забрасывает противников словесными глыбами, Гейне называет его религиозным Дантоном. Впрочем, громовое красноречие Лютера заставляет вспомнить и Савонаролу.

Опираясь на традицию народных песен, Лютер создавал религиозные гимны и псалмы. Он любил музыку, и песни его были мелодичны. Он сочинил лютеранский церковный гимн «Наш Бог – нерушимая крепость», который называют Марсельезой Реформации. Вступая в Вормс со своими спутниками, он пел с ними эту боевую песню:

Господь – наш истинный оплот,
Оружье и твердыня,
Господь нас вызволит, спасёт
В беде, грозящей ныне.

Роль Лютера в развитии немецкого языка можно уподобить роли Ломоносова и Пушкина в России. Томас Манн поставил его имя рядом с именем Гёте, называя обоих великими творцами родного языка. Третьим столпом он назвал Ницше.

Самый большой и самый немецкий человек Германии

Лютер, как может сделать вывод читатель, – фигура сложная, неоднозначная. Это отмечал, в частности, Генрих Гейне, пытаясь определить значение Лютера для немцев и для истории. Он исходил из того, что Лютер – не только самый большой, но и **самый немецкий** человек в истории Германии, что в его натуре грандиозно сочетались все добродетели и все недостатки немцев. Гейне глубоко постиг и точно обрисовал двойственный, амбивалентный характер лютеровой природы: «он обладал качествами, сочетание которых крайне редко, и которые обыкновенно представляются нам враждебно противоположными. Он был одновременно мечтательным мистиком и человеком практического действия. У его мыслей были не только крылья, но и руки. Он говорил и действовал. Это был не только язык, но и меч своего времени. Это был одновременно и холодный схоластический буквоед и восторженный, упоенный Божеством пророк. ...Этот человек, который мог ругаться, как торговка рыбой, мог быть и мягким, как нежная девушка. Временами он неистовствовал, как буря, вырывающая с корнем дубы, потом вновь становился кротким. Он был исполнен трепетнейшего страха Божьего, полон самопожертвования во славу Святого Духа. Он способен был погрузиться в область чистой духовности; и, однако, он очень хорошо знал прелести жизни сей и умел их ценить, и с уст его слетело чудесное изречение: „ Кто к вину, женщинам и песням не тянется, на всю жизнь дураком останется“. ...В нём было нечто первозданное, непостижимое, чудодейственное, что мы встречаем у всех избранников, нечто наивно-ужасное, нечто нескладно-умное, нечто возвышенно-ограниченное, *нечто неодолимо-демоническое*» (Курсив мой – Г.И.).

Гейне связывает с деяниями Лютера начало новой эпохи в Германии: Реформация нанесла

смертельный удар по феодальной системе. Лютер отделил Церковь от государства. Гёте, критически настроенный по отношению к Церкви и высшему духовенству, тем не менее счёл необходимым указать на долг Германии Лютеру. Незадолго до своей кончины, в разговоре с Эккерманом он заметил, что ещё не все поняли, сколь многим они обязаны Лютеру. «Мы сбросили оковы духовной ограниченности, благодаря нашей всё растущей культуре смогли вернуться к первоистокам и постигнуть христианство во всей его чистоте. Мы снова обрели мужество твёрдо стоять на Божьей земле и чувствовать себя людьми, взысканными Господом». Осуждая убогое протестантское сектантство, он призывает протестантов и католиков отдаться во власть «великого просветительского движения, движения времени», подчиниться ему, а оно должно привести к единению. И тогда «мы мало-помалу от христианства слова и вероучения перейдём к христианству убеждений и поступков».

Гейне, как и Гёте, испытывал к Лютеру благодарное чувство. Нигде и никогда не упоминает он о юдофобии отца Реформации. Между тем в двухтомной «Истории антисемитизма» Льва Полякова (перевод на русский язык появился в 1997 году) Лютеру отведено «почётное» место. В глазах современного еврейства он – враг богоизбранного народа.

Предполагать, что Гейне не были известны антиеврейские памфлеты Лютера, нелепо. Он знал о них, хотя в середине XIX века их не цитировали. Они вообще не имели широкого хождения ни в XVII, ни в XVIII вв.. Скорее всего он их просто не читал, как не читал он, думается, «Аугсбургское вероисповедание», ему вполне хватало лютеровых «Застольных бесед». Любопытно наблюдать, как Гейне в статьях 1834 года, составивших книгу «К истории религии и философии Германии», идентифицирует себя с немцами. «Мы, немцы, – пишет Гейне, – сильнейший и умнейший народ. Наши царствующие роды восседают на всех европейских престолах, наши Ротшильды господствуют на биржах всего мира, наши ученые верховенствуют во всех науках...» Обратите внимание на эти строки. Всё это плоды еврейской эмансипации. Ротшильды у Гейне в одном ряду с Гогенцоллернами, и для себя поэт тоже находит место в германском строю. Хоть он находится в Париже, он не отделяет себя от Германии, и потому в его устах совершенно естественно звучат признания, касающиеся Лютера: «Нам не пристало жаловаться на ограниченность его взглядов. ... Ещё менее пристало нам изрекать суровый приговор о его недостатках; эти недостатки принесли нам больше пользы, чем добродетели тысячи других». В 30-е годы XIX столетия еврей Гейне мог отпустить Лютеру его грехи. Спустя сто с лишним лет сделать это уже невозможно. Наш исторический опыт, память о Холокосте не позволяют.

Ректор кёльнской теологической академии имени Меланхтона г-н Марквардт, узнав, что я пишу о Лютере, стал отговаривать меня и советовал заняться Меланхтоном. Ближайший друг и сподвижник Лютера, он всю жизнь был преданным учеником Эразма Роттердамского, человека всеобъемлющего духа. Кроме того, это был необычайно мягкий и благородный человек. Как личность он мне глубоко симпатичен и близок. Но я задаю своему оппоненту вопрос: «Положа руку на сердце, признайтесь, смог ли бы Меланхтон осуществить Реформацию?» И в ответ на его молчание продолжаю: «Нет, такое по плечу было лишь неукротимому Лютеру!»

В сослагательном наклонении об исторических событиях не говорят. Что толку задаваться вопросом, как бы пошло развитие Европы и Германии, если бы в споре Лютера и Эразма победил умеренный, считавший себя гражданином мира Эразм? Победа Лютера была неизбежна не только из-за его чувственной мощи, из-за его неистовой ярости, которой были наделены все настоящие герои, начиная с гомеровского Ахилла. Как справедливо заметил Стефан Цвейг, Лютера «переполняет и распирает мощь и буйство целого народа».

Цвейг писал книгу о бесконечно дорогом ему Эразме, но в ней он сложил гимн его противнику-победителю – Лютеру, а главное, объяснил, почему именно он возглавил Реформацию: «Он мыслит, инстинктивно ориентируясь на массу, воплощая её волю, взведённую до высшего

накала страсти. С ним в сознание мира прорывается всё немецкое, все протестантские и бунтарские немецкие инстинкты, а поскольку нация принимает его идеи, он сам входит в историю своей нации. Он возвращает стихии свою стихийную силу». Написано это было в 1935 году, когда стихийность и фанатизм Лютера оказались востребованными. Нацисты умело манипулировали массовым сознанием, используя ту часть наследия Лютера, которую смогли приспособить для своих целей.

Mea maxima culpa!

Мне довелось проштудировать труд раввина доктора Райнхарда Левина «Отношение Лютера к евреям». Книга вышла в Берлине в 1911 году. Автор завершает её такими словами: «Семена ненависти к евреям, которые он посеял, дали при его жизни очень слабые всходы. Но они не исчезли бесследно, напротив, они прорастали спустя столетия; и всегда каждый, кто по каким-либо мотивам выступал против евреев, был уверен, что имеет право торжественно ссылаться на Лютера». Почтенный доктор имел в виду Т.Фриша, который в своём «Катехизисе антисемита» (1887) щедро цитировал поздние памфлеты Лютера. Поддержка мощная, ничего не скажешь.

В 1920-е годы антиеврейские писания Лютера использовал патологический антисемит Гитлер, а двумя десятилетиями позже его именем нацисты станут оправдывать свои зверства против еврейского народа. Во время Нюрнбергского процесса в апреле 1946 года был заслушан нацистский преступник Юлиус Штрайхер, редактор скандальной антисемитской газеты «Штюрмер», которую Гитлер прочитывал от корки до корки. Вот что он заявил суду: «Сегодня на моём месте на скамье подсудимых мог бы сидеть Мартин Лютер, если бы суду было представлено его сочинение 'О евреях и их лжи'».

Нацисты охотно прикрывались авторитетом Лютера. Они извлекли из его наследия то, что было им выгодно, закрыв глаза на ту его часть, которая противоречила их идеологии. Геббельс подчёркивал, что они следуют за Лютером в своих оценках евреев, почти ничего к ним не добавляя. Геббельс привычно лгал, ибо Лютер не призывал к убийству евреев, но нацисты действительно использовали антиеврейские сочинения Реформатора в обоснование своих преступных действий.

Вы помните, когда произошёл всегерманский погром, когда запылали синагоги по всей Германии? В так называемую «хрустальную ночь» 9 ноября 1938 года – накануне дня рождения Мартина Лютера. Такой вот «подарок» приготовили «благодарные наци» великому реформатору. Один из отцов церкви, поддержавший «новый порядок», Мартин Зассе, епископ Тюрингии, обращаясь к пастве с памфлетом «Мартин Лютер о евреях: вон их!» (вышел стотысячным тиражом), радостно приветствовал «эту акцию, которой увенчалась Богом благословенная борьба нашего фюрера за полное освобождение нашего народа. В эти часы должен быть слышен голос немецкого пророка XVI века, – продолжает он, – который начал по неведению как друг евреев, но затем, движимый своим знанием, опытом и побуждаемый реальностью, стал величайшим антисемитом своего времени, предостерегшим свой народ против евреев». Тёзка отца Реформации, пособник нацистов, прощает Лютеру грех молодости: по неведению, дескать, отнёсся к евреям по-человечески, зато впоследствии полностью испустил грех, теперь он наш.

Антиеврейские советы Лютера долго ждали своего часа. При Гитлере они были претворены в жизнь. Плох тот ученик, который не мечтает превзойти учителя. Нацисты в этом смысле оказались хорошими учениками, они «учителя» превзошли. Лютер не распространял свои советы на крестившихся евреев: они считались интегрированными в христианское общество. Нацисты не признавали силы крещения, они следовали своим расовым теориям, которые были возведены в закон (Нюрнбергские законы 1935 года). Сейчас апологеты Лютера доказывают, что его юдофобия имела религиозную основу, была

проявлением традиционного средневекового мировоззрения. И это так. Он был далёк от расовых теорий, составляющих основу современного антисемитизма. И это тоже правда. И всё же нельзя не заметить, что различие между юдофобией Лютера и антисемитизмом нацистов не столь уж велико. Это признают немецкие интеллектуалы.

В 1946 году известный немецкий философ Карл Ясперс принимал в Гейдельберге молодого американского писателя. Тот пытался говорить о великой немецкой культуре, упомянул было Гёте, Лессинга, но Ясперс прервал его: «Оставьте, этот чёрт давно сидит в нас. Хотите взглянуть на источник? – и, обернувшись к полке, он снял книжку Лютера «О евреях и их лжи», – Вот он! Здесь уже вся программа гитлеровского периода. Что Гитлер делал, то Лютер советовал, разве что кроме убийств в газовых камерах».

Отвратительный портрет еврея, который создал Лютер, несомненно, повлиял на общественное мнение, поддерживая если не ненависть, то неприязнь к евреям в немецкой среде. Об истории и исторических личностях не говорят в сослагательном наклонении, но если бы Лютеру довелось узнать всю правду о Холокосте или хотя бы посетить Освенцим, вряд ли он бы сказал: «Их кровь тоже на мне...» Скорее до смертного часа покаянно бы повторял: *Mea culpa, mea maxima culpa!* (слова из молитвы на латыни: "Мой грех, мой великий грех!") и, быть может, отрёкся бы от своих «советов»...

В 1983 году Германия отметила пятисотлетие со дня рождения Лютера. Юбилей этот был непохож на другие: ни шумных торжеств, ни новых памятников. И всё из-за отношения юбиляра к евреям. Немцы не могут гордиться и славить Лютера после Холокоста, как славил его Генрих Гейне. Он оказался запятнан. Как же быть с национальным гением? Неужто отдать его нацистам? Спустя два года после юбилея вышел из печати толстенный том статей «Евреи и Мартин Лютер – Мартин Лютер и евреи». Его предваряет вступительное слово Иоханнеса Рау. Кажется, что это речь на юбилейном собрании. Читая «Слово», почти физически ощущаешь, как мучительно немцам касаться столь непростой темы. Немалое мужество нужно иметь, чтобы публично оглашать эту неприятную, если не сказать постыдную, страницу родной истории – куда легче промолчать, перелистнуть или, как здесь говорят, сунуть её под ковёр.

«Сегодня мы должны сказать, хотя нам невыносимо это слышать, что у Аушвица есть христианская предыстория, – говорит Рау. – Мы не можем после Аушвица не думать о том, что евреи умирали не только от ядовитых газов в его камерах, но также из-за антисемитского ядовитого облака, которому уже сотни лет». Сотни лет ждали евреи этого слова.

Когда Вилли Брандт встал на колени на месте бывшего варшавского гетто, он каялся и просил простить не нацистов, а немецкий народ, а стало быть, и Мартина Лютера. Зная, кем был Лютер и каков он был, никто не вправе проклинать его и предавать суду истории, но дать честную оценку его заблуждениям необходимо. Столь же важно восстановить историческую справедливость по отношению к евреям. К этому призвал Иоханнес Рау, ссылаясь на пример немецкого теолога Карла Барта, который сразу встал в оппозицию к Гитлеру, эмигрировал в Швейцарию в 1935 году, а в 1945 году сформулировал свои тезисы о коллективной вине немцев. Рау напомнил напутствие Барта тем, кто сегодня продирается сквозь тернии своей истории. По мысли Барта, сегодня нужно открыто сказать: еврей – естественный исторический памятник любви и верности Божьей, конкретное воплощение Его избранничества и милости, живой комментарий к Ветхому Завету и к тому же единственное убедительное, помимо Библии, свидетельство о Боге. Барт подчёркивает: «Чему мы хотели бы его учить, чего бы он уже не знал, чему скорее мы должны были бы у него учиться?!». Рау согласен с подходом Барта. Без пересмотра и переоценки несправедливого лютерова и собственного отношения к евреям невозможен еврейско-христианский диалог, который только-только начинается.

А действительно ли он так необходим немцам, этот диалог с евреями? Ответом сомневающимся может служить маленькая, но весьма существенная деталь из разговора Фридриха Великого с Вольтером, которую так к месту напомнил Иоханнес Рау: «Приведите мне хоть одно доказательство существования Бога!» – потребовал прусский король. «Ваше величество, евреи», – ответил французский философ. Исчерпывающий ответ, не так ли?

Литература:

1. Мартин Лютер – реформатор, проповедник, педагог. М., 1996.
2. Гобри, Иван. Лютер. М., 2000.
3. Мережковский Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Томск, 1999.
4. Соловьёв Э.Ю. Непобеждённый еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984.
5. Цвейг, Стефан. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. Собр. соч. в девяти томах. Т. 4. М., 1996.
6. Die Juden und Martin Luther – Martin Luther und die Juden. Neukirchen, 1985.
7. Lewin, Dr. Reinhold. Luthers stellung zu den Juden. Berlin, 1911.
8. Newmann, Louis Israel. Jewish Influence on Christian Reform Movements. N.Y., 1966.
9. Wenzel, Edith. Martin Luther und der mittelalterliche Antisemitismus. – Synagoga und Ecclesia. Tübingen, 1987.